

# АРКАДИЙ ГАЙДАР

ЛЕСНЫЕ БРАТЬЯ  
(ДАВЫДОВЩИНА)

Аркадий Гайдар  
**Лесные братья (Давыдовщина)**

«Public Domain»

1927

## **Гайдар А. П.**

Лесные братья (Давыдовщина) / А. П. Гайдар — «Public Domain»,  
1927

Предлагая эту повесть вниманию читателей «Уральского рабочего», автор должен сделать оговорку. Повесть эта написана на исторической канве, и главные действующие лица ее – действительно существовавшие люди, все же второстепенные персонажи – вымышлены и введены исключительно с тем, чтобы сделать повесть более занимательной и интересной. А поэтому некоторое расхождение написанного с действительно происходившим не должно смущать товарищей, которым когда – либо приходилось встречаться с «лесными братьями». Самих боевиков – Алексея и Ивана Давыдовых автор, поскольку мог, старался вывести без излишних прикрас, по тем материалам и воспоминаниям, которые удалось достать. Автор

## Содержание

Унтер – офицер штейников отправляется в арестантские роты	6
Бродячий театр мистера Франсуа Джонсона	10
У Лбова	12
Унтер – офицер Штейников раздумывает отправляться в арестантские роты	16
Конец ознакомительного фрагмента.	17

## Аркадий Гайдар

### Лесные братья (Давыдовщина)

Предлагая эту повесть вниманию читателей «Уральского рабочего», автор должен сделать оговорку. Повесть эта написана на исторической канве, и главные действующие лица ее – действительно существовавшие люди, все же второстепенные персонажи – вымышлены и введены исключительно с тем, чтобы сделать повесть более занимательной и интересной.

А поэтому некоторое расхождение написанного с действительно происходившим не должно смущать товарищей, которым когда – либо приходилось встречаться с «лесными братьями». Самых боевиков – Алексея и Ивана Давыдовых автор, поскольку мог, старался вывести без излишних прикрас, по тем материалам и воспоминаниям, которые удалось достать.

*Автор (1927)*

## Унтер – офицер штейников отправляется в арестантские роты

На севере Пермской губернии, в Соликамском уезде, в одной версте от маленькой станции Копи, посреди высоких гор, на берегу озера, убегающего в зеленую даль кудрявых лесов, стоял старый Александровский завод Демидова. До 1905 беспокойного года каждый день из каменных труб черною лентою плыл в небо тающий дым, дышали огнем раскаленные печи и ударами железного сердца звенели тяжелые молотки закопченных кузнецов.

В 1905 беспокойном году, в один из будничных дней, как потушенные окурки гигантских папирос, перестали вдруг дымить трубы. Остыли печи, и перестало биться железное сердце, надорванное стихийной в то время эпидемией рабочих забастовок.

Конечно, в этой забастовке повинны были и управители завода, хищными зубами конторских расчетов выгрызающие каждую заработанную копейку у александровцев. Конечно, в этой забастовке повинна была и волна революционного брожения, начавшаяся по всей России. Но при всем этом все же нельзя не указать, что главными инициаторами, главными вдохновителями этой забастовки были братья Иван и Алексей Давыдовы, в то время простые рабочие, потом – сотоварищи по делу великого бунтовщика Лбова, позднее – грозные мстители за его смерть и каторгу сотен других революционеров и еще позднее – мертвецы, погребенные в глубоких тайниках каменных тюрем рядом с трупами многих десятков расстрелянных и повешенных товарищей.

Точное место их могилы неизвестно, ибо нет над ними ни памятников, ни каменных плит, ни даже поросших травой холмиков набросанной земли. Но имена их живы и до пор в памяти рабочих седого Урала, с благодарностью вспоминающих их славную жизнь и с горечью – их гордую смерть.

В мае 1907 года с одним из первых пароходов, пришедших из Чердыни, прибыла в Соликамск партия арестантов.

Их построили попарно. Окружили цепью стражников. И перед тем, как тронуться, старший конвоир еще раз озабоченно посмотрел – все ли в порядке, крикнул толпе зевак, чтобы она держалась подальше, потом сделал выражение лица таким, какое он всегда считал необходимым при разговоре с арестантами, то есть свирепым до неестественности, и гаркнул громко:

– Ну вы, подзаборные дворяне, если по дороге чуть что... то враз пулю.

Хотя эти слова должны были, по – видимому, относиться ко всей партии, но обращены они были в первую очередь к невысокому, крепко сколоченному арестанту, стоявшему в первой паре.

Запятав усмешку в края чуть обвислых губ арестант плюнул на землю, растер плевком ногою и по-солдатски, прикладывая руку к козырьку, ответил четко:

– Так точно! Уж постараясь, ваше благородие!

Но, очевидно, «его благородию» не пришлось по вкусу ни неуместный плевком, ни подозрительный смысл полученного ответа, ибо он, повернув коня, перекрестил дважды арестанта нагайкой и еще раз, приказав конвойным быть начеку, подал команду трогаться.

Лязгнули кандалы, и, сопровождаемые толпой любопытных мальчишек, державшихся поодаль, арестанты тронулись в путь.

На перекрестке одной из улиц вышла маленькая задержка: из – за угла перерезала путь похоронная процессия. Хоронили умершего с перепоя купца Сидора Перегоркина. Арестанты остановились, конвойные настороженно приподняли шашки, ибо получилась заминка – одна из тех, во время которых конвойному полагается быть настороже.

Арестант из первого ряда толкнул локтем соседа и шепнул ему что – то, но в следующую же минуту обернулся, по тому, что услышал чей – то негромкий окрик из толпы:

– Штейников!

И в ту же секунду к: его ногам упал маленький камешек, завернутый в бумагу.

Воспользовавшийся давкой арестант быстро поднял его и сунул за пазуху. Как раз в это же время монахи, прибавившие ход, освободили дорогу, и партия тронулась дальше.

Штейников внимательно посмотрел на рассасывающуюся толпу, стараясь угадать бросившего камень. Сначала он никого не увидел, но потом взгляд его остановился на старьевщике стучавшемся деревянной палкой в ворота соседнего дома.

«Не тот ли? – подумал Штейников. – Но кто бы это мог быть?»

Ворота тюрьмы широко раскрыли железную пасть, погнули, проглотив серую массу заключенных. И арестант из первого ряда, бывший унтер-офицер Штейников, еще раз плюнув на землю очередной тюрьмы, констатировал факт что еще один этап по пути в арестантские роты пройден.

Незадолго до этого управляющий Луньевскими копиями, лежащими в семи верстах от Александровского завода, Иванов позвонил приставу Караваеву и попросил его арестовать и выслать из Луньевки рабочих: Алексея Давыдова и Петра Неволлина, выгнанных им из завода и работающих на постройке одного из казенных домов.

В эту же минуту пристав Караваев был озабочен только что полученной телеграммой из Перми, в которой говорилось, что, по имеющимся у охранного отделения агентурным сведениям, известный бунтовщик и мятежник Лбов собирается распространить свое влияние на северные уезды губернии, а поэтому приставу предлагалось быть более осторожным, тщательно наблюдать за вновь прибывающими и проезжающими пассажирами, а также обо всем исключительном немедленно доносить не только в Соликамск, уездному исправнику, но и непосредственно в Пермь.

Эта телеграмма, с одной стороны, несколько встревожила пристава, с другой – польстила его самолюбию, ибо с уездным исправником был он не в ладах и надеялся, что теперь плоды его усердной работы будут по достоинству оценены непосредственно губернским жандармским управлением.

И пристав Караваев, получив сообщение управляющего, решил немедленно, сейчас же круто прибрать к рукам всех подозрительных и неблагонадежных людей, а потому тот час же вызвал к себе урядника Китаева и стражника Попова, приказав им задержать обоих рабочих.

Было раннее теплое утро, когда оба полицейских неторопливо и важно подошли к кучке отдыхающих рабочих.

Однако при их появлении никто не счел нужным ни встать, ни поздороваться с ними, наоборот, все замолчали и сделали вид, что прибывших не замечают. И если бы полицейские были более внимательны, то они, вероятно, смогли бы заметить, что при их приближении кто – то быстро шмыгнул в кусты, а некоторые торопливо попрятали какие – то отпечатанные листки за пазухи.

– Углев! – окрикнул стражник подрядчика. – А где у тебя эти зайчики? Почему их не видно?

Углев лениво повернул голову и ответил спокойно, как будто бы не понимая, о ком идет речь:

– Какие еще?

– Петька и Алексей!

Однако подрядчик Углев, по – видимому, не торопился с ответом, потому что он вынул кисет, закурил и только тогда ответил начинавшему уже сердиться стражнику:

– Нету еще! Не было и не знаю, когда будут! Может, и вовсе не придут!

Стражники, убедившись в том, что толком здесь ничего не добьешься, крепко выругавшись, ушли доложить об этом приставу.

Через некоторое время после того, когда они скрылись, из – за деревьев показались двое. Были они возбуждены чем – то. Смеялись громко. Один из них тащил целую связку свежих баранок, а другой нес под мышкой сверток каких – то листов.

– Давыдов! – крикнул обеспокоенный подрядчик – Алешка, пес тебя заешь! Чево вы опять там натворили! Сейчас только стражники за вами приходили!

Но Давыдов рассмеялся вместо ответа. Потом откусил баранку и, бросая кипу листовок под дерево, сказал спокойно:

– Черт с ними! Это все управитель еще за забастовку науськивает! С завода выгнал, так и отсюда выпереть хочет! Только мне теперь наплевать!.. Совершенно наплевать! – повторил он и многозначительно переглянулся со своим товарищем.

Тот утвердительно кивнул головой и добавил:

– Нам теперь что? Мы теперь свободные дворяне!: Эх, ма!..

Возле них собрался народ. Давыдов вынул из свертка несколько прокламаций и громко стал читать их притихшим рабочим. И после первых же слов еще несколько человек побросали лопаты и подошли поближе, внимательно прислушиваясь. – Черт его знает, руки как свинцом налились! День такой тяжелый, а тут еще слушаешь – и работать сегодня неохота! Как подумаешь, что написано, так плюнул бы на все и ушел куда глаза глядят!

– Стой тише, слушай!

И опять все замолчали.

Алексей кончил читать и сказал:

– Слышали, что возле Перми Лбов делает? Все замутил, всех поднял. За его башку сколько тысяч обещано! Полицию, ингушей нагнали, а ему хоть бы что! Как ястреб носится вокруг!.. Это – человек!

– А у меня баба на днях к отцу своему ездила, – вмешался в разговор один из присутствующих. – В Мотовилихе он служит. Так там вроде как фронт открылся! Что ни ночь, то стрельба. Шпиёнов, говорят, нагнали! В каждый дом их насадили. И все без толку, потому что на заводе все как один за Лбова стоят!

И разом разговор вдруг оборвался, ибо было видно, как с горки спускались возвращающиеся полицейские.

– Алешка!.. Неволин, бегите! – послышались предупреждающие голоса. – Ребята, все на свои места! Будут спрашивать, говорите, что ничего не видели и ничего не слышали!

Но Давыдов вместо того, чтобы бежать, еще раз переглянулся с Неволиным. Неторопливо спрятал листовки, спокойно засунул руки в карманы и встал, прислонившись к старой, покрытой мхом ели.

Урядник Китаев, озадаченный равнодушным видом Давыдова, подошел к нему. Внимательно посмотрел на него и, положив на всякий случай руку на эфес шашки, приказал ему следовать тотчас к приставу. Но так как ни Давыдов, ни его товарищ не выказали ни малейшего намерения подчиниться этому приказанию, то он сделал попытку схватить Давыдова за рукав, но в ту же минуту получил та – кой сильный удар в голову, что, шатаясь, отлетел в сторону.

Увидев это, стражник Попов вынул револьвер, но прежде, чем он успел поднять его, грохнул неожиданный выстрел, и стражник упал в канаву. Давыдов, подскочив к раненому полицейскому, выхватил у того шашку и бросился с нею на урядника Китаева, который в страхе принялся бежать, чуть прихрамывая, потому что пуля, пущенная ему вдогонку Неволиным, слегка задела ногу.

– Теперь айда, – крикнул Давыдов, – давай сматываться! Но взбешенный Неволин, махнув головой, чтобы его подождали, побежал к конторе управляющего, распахнул дверь и,

встретившись лицом к лицу с Ивановым, выстрелил в него в упор из своего большого, но ржавого бульдога.

– Получил? – крикнул он покачнувшемуся и побледневшему управляющему. – Так тебе, собаке, и надо!

И Неволин, повернувшись, хотел выскочить из дверей, но в это же время кто – то из – за спины со всего размаху ударил его бутылкой по голове. Он закачался, хотел выстрелить еще раз, но не смог, потому что на него наскочили со всех сторон и крепко заломили руки назад.

Когда он очнулся, то увидел себя окруженным полицейскими.

Прямо перед ним стоял управляющий с перевязанной головой. Выстрел был направлен верно, но пуля дрянного, старого револьвера не смогла даже пробить подбородок Иванова и застряла возле кости.

Неволин обернулся и, увидав, что Давыдова нет, решил, что, вероятно, тому удалось скрыться. А потому он вздохнул глубоко и, взглянув в лицо управляющему, сказал с ненавистью:

– Не взял тебя старый бульдог, погоди, возьмет новый маузер!

И опять закрыл глаза.

А в это время в лесах, прилегающих к Перми, носились неуловимые боевые дружины мотовилихинского рабочего Александра Лбова.

А в это время в лесах, прилегающих к Перми, рыскали карательные отряды хищных ингушей, и то здесь, то там схватывались отчаянной мертвой схваткой два непримиримых врага: жандармерия и лбовцы. И весь рабочий Урал с напряженным вниманием следил за этой неравной схваткой. И по заводам, в цехах, собравшись кучками, делились рабочие друг с другом добытыми сведениями. Полушепотом, чтобы не слышали те, кому не надо, поговаривали, покачивая головой:

– Ну и ну!.. Затеял Лбов дело! Отчаянный человек!.. Да только вряд ли чего добьется! Вот ингушей прислали, жандармов понагнали, а как если нужно будет, так и казаков пришлют! Ох, казаков-то на Дону хватит еще на нашего брата!

Но по ночам жены рабочих таскали лбовцам хлеб, и часто по ночам то в одно, то в другое окошко мотовилихинского поселка тихо и осторожно:

– Тук... тук...

– Кто там?

– Тише, отворяй! Свои... лбовцы!

## Бродячий театр мистера Франсуа Джонсона

С некоторых пор широковещательные афиши, намалеванные пальцем, обмокнутым в чернила, обещавшие показать пермской «почтенной» публике «представление по совершенно новой программе, с участием египетского факира и прорицателя Али – Селяма, фокусника Лонжерона, а также прочего людского и животного состава» потеряли всякую привлекательность для базарной публики. И если не считать десятка – другого завсегдаево мальчишек, из которых добрая половина пробиралась без билетов, то последние две недели сарайчик на Сенной площади, именуемый громко театральным помещением, был совершенно пустым.

Тщетно арендатор сарайчика Соломон Шнеерман – он же Франсуа Джонсон – ломал голову, придумывал какой-нибудь новый номер, чтобы привлечь внимание публики и повысить сборы театра. Ничего не получалось, тем более что с тех пор, как во время одного из представлений у египетского прорицателя Али – Селяма неизвестно кто украл в темноте единственный восточный халат, впал Али – Селям в мрачное настроение и, ежедневно бессовестно напиваясь, заявлял уже несколько раз, что надоело ему быть факиром и что собирается возвратиться он опять в лоно церкви путем поступления в иноки какого-либо богоугодного монастыря. И если до последнего времени мистер Джонсон возлагал надежды на французского фокусника Лонжерона, то теперь окончательно пал духом, ибо еще только на днях Лонжерон нагло потребовал от него, чтобы ему заплатили жалованье за три месяца, угрожая в противном случае бросить театр и уехать к себе на родину в Тамбовскую губернию.

И перед мистером Джонсоном во весь рост встал вопрос о необходимости срочно сменить местопребывание своего театра, искать более доходного места и менее требовательного зрителя. А посему, поразмыслив, мистер Джонсон решил отправиться с одним из ближайших пароходов вверх по Каме, в глухой уездный городишко Соликамск.

Узнав об этом бесповоротном решении, факир Али Селям и фокусник Лонжерон решительно направились в ближайшую базарную пивную и там, осушив полдюжины пива, заказали вторую и, вероятно, распили бы и ее таким же порядком и разошлись без всяких приключений, если бы внимание фокусника не было привлечено сидящим в углу рыжебородым странником, который в продолжение цело – го часа тянул все одну и ту же бутылку пива, то и дело посматривая на дверь и, по – видимому, поджидал кого – то.

Но не это обстоятельство привлекло внимание Лонжерона. Станным ему показалось то, что, нагибаясь за тем, чтобы поднять нечаянно упавшую коробку спичек, странник уронил шапку и инстинктивно, сразу же схватился за голову, как бы поправляя волосы, то есть невольно сделал тот самый жест, который делает всякий цирковой клоун, боящийся потерять плохо прилаженный парик.

«Эге, – подумал Лонжерон, – вот оно что!» – И толкнул локтем мрачно насупившегося факира Али – Селяма, усиленно и без всякой очереди накачивающегося пивом.

– Ну? – коротко спросил тот, опрокидывая в глотку стакан.

– Заметил?

– Ничего не заметил! – хмуро ответил тот и добавил тихо:

– О, господи! Прости прогрешения наши, как бы не влипнуть еще в какую историю!

Пойдем лучше отсюда, брат, дабы не согрешить!

Но Лонжерон был совершенно особого на этот счет мнения и, не послушавшись благого совета старшего товарища, начал исподтишка наблюдать за подозрительным странником.

Тот, по – видимому, отчаявшись дожидаться того, кто ему был нужен, потянулся уже рукой к сумке, собираясь уходить, как вдруг внезапно переменял свое намерение. И от Лонжерона не ускользнуло то, что странник подчеркнуто спокойно засунул правую руку в огромный карман

потрепанной рясы, ибо в окошке показались силуэты двух прохаживающихся возле дверей полицейских.

Пивная имела только один выход. Впрочем, была другая верь, но та через коротенькие сени вела только в уборную.

Еще раз заглянув в окошко, незнакомец быстро встал, глаза его сощурились, заблестели, и лицо, сразу сбросив маску благочестивого смирения, приняло настороженный и хищный вид. Он встал и быстро вышел в уборную.

Терзаемый любопытством фокусник пошел за ним...

Прошло минут пять, и оттуда же мимо захмелевшего Али – Селяма, слегка покачиваясь, прошел какой – то бритый подвыпивший мастерской в засаленной куртке, обутый в грубые нечищенные сапоги.

«Пресвятая богородица, – подумал, широко открывая глаза, ничего не понимающий Али – Селям, – а это еще кто? Как будто бы туда больше никто не проходил! Неужто он там все два часа сидел!»

Еще минуты через три после того, как мастерской вышел из пивной, Али – Селям окончательно забеспокоился и решил было проведать, почему так долго задержался в уборной его товарищ. Но едва только он встал, как распахнулась дверь пивной, вошло несколько человек полицейских с обнаженными револьверами. Двое заняли выход, а остальные, проходя мимо столиков, начали внимательно всматриваться в лица посетителей. Потом двое подошли к хозяйину. Тот мотнул им головой, показывая на вторую дверь.

Оба полицейские взвели курки, осторожно распахнули дверь и почти тотчас же до слуха Али – Селяма долетели отчаянные ругательства, крики. А еще минутой позже стражники вывели оттуда связанного фокусника, мычащего что – то несурзное, ибо рот его был крепко заткнут потрепанной скуфейкой неизвестно куда исчезнувшего странника.

– Пресвятая заступница! – еще раз пробормотал окончательно перепившийся и перепуганный факир Али – Селям, – Да разве я не говорил, что лучше уйти от всякой мирской греховности и постричься в иноки!

## У Лбова

Преследуемый сбежавшимися на выстрелы полицейскими и, убедившись в том, что со своим опустевшим револьвером он ничем не может помочь захваченному товарищу, Алексей Давыдов бросился бежать в лес.

Прошло не менее часа до того, как он остановился и сел передохнуть на душистую траву укромной лесной лощины.

«Эх, Петька, Петька! – подумал он, опуская голову. – И ничего еще не сделал, а пропал уже ни за что!»

Долго сидел Давыдов раздумывая, что делать и куда сейчас направиться. Потом встал, спустился к ручью, набрал холодной воды, смочил ею разгоряченную голову и, направляясь в сторону полотна железной дороги, проговорил вслух:

– Конечно, дело ясное! Уйду к Лбову, а там дальше видно будет!

Через несколько дней он был уже в Перми и там зашел на квартиру одного из знакомых рабочих, деповского слесаря, и попросил его указать кого-нибудь из мотовилихинцев, чтобы тот проводил его к Лбову. Но товарищ Давыдова в ответ только покачал головой:

– Нет! Это дело неладное! В Мотовилихе сейчас жандармы на каждом углу и провокатор на провокаторе верхом сидит! И ты враз можешь влипнуть!

– Но там же бывают лбовцы, – возразил Алексей, – мне говорили, что сам Лбов часто там появляется, значит, уж не так опасно!

– Ну, то Лбов! – загадочно ответил ему слесарь. – Лбову никакая дорога не заказана, ему, случится нужда, так он и к самому губернатору заявится! А ты лучше вот что... Вечером я к тебе одного человека пришлю, он тебе посоветует, как быть.

Слесарь помолчал немного, потом спросил, собираясь уже уходить:

– Так ты, значит, совсем полетел? Ну, а как Ванюшка, брат где? Сидит все еще?

– Сидит!

– Башковитый человек! И сколько он книг перечитал! Прорва! Кабы он не сел, больших бы делов наделал!

– Не больше Лбова!

– Ну, нет, – подумав, ответил слесарь, – это, брат, друг другу не пара. Совсем, можно сказать, разные люди. И натура у них разная, и приемы разные! Лбов тот больше на бомбу напирает! Жандармов бы ему перебить, полицию перестрелять – это ему самое важное дело, а Иван нет! И характер у него не такой, как тебе сказать, отчаянный что ли, а главное, он все больше на пропаганду надеется! Полиции, говорит, много, всю полицию не перестреляешь. Убили, скажем, вчера стражника возле Малой проходной, а сегодня же двух поставят! Надо, говорит, народ организовать, а когда уже все одни к одному, тогда и подниматься разом!

– Знаю я, – махнув рукой, горячо возразил Алексей, – уж сколько раз об этом спорили, нудное это дело, да и как его сорганизуешь, когда каждый норовит в кусты, да и время – то сейчас такое тяжелое! Попритихни, полиция жмет повсюду, вот и надо что-нибудь такое устраивать, чтобы заметно было, чтобы чувствовалось, что не все, мол, благополучно! Да и, кроме этого, вон говорят, что Лбов здесь, как язва у губернатора под сердцем сидит. На него, можно сказать, все внимание. Вот за его спиной и валяй, организовывай понемногу! Одно другому не мешает!

– А разве же кто говорит против организации пропаганды? Валяй, пропагандируй сколько тебе в душу влезет!

Вечером слесарь привел одного из своих товарищей. Тот долго разговаривал с Алексеем и только когда окончательно убедился, что человек свой, надежный, то предложил тогда, чтобы

завтра к 12 часам дня Алексей зашел в пивную возле базара и ожидал там, пока подойдет к нему человек и спросит его, не на малярную ли работу приехал он наниматься?

– А как я узнаю его? – спросил Алексей.

– Да и незачем тебе вовсе, он сам тебя узнает! Ты в этой одежде будешь! Ну и хорошо, раз подойдет человек, спросит, значит, тот самый! Он тебя до самого Лбова проводит. Отчаянный парень! Сколько его ловили – и все никак!

На другой день Алексей, беззаботно насвистывая, пробирался через базарную толпу к указанной ему пивной. Часы пробили ровно двенадцать, когда на глаза ему попала убогая вывеска кабачка. Как раз, в аккурат, подумал он и направился было к дверям, но вдруг разом остановился и, быстро повернувшись, замешался среди народа.

«Вот, черт возьми, чуть – чуть было не напоролся! – подумал Давыдов. – И откуда его принесло? Надо будет обождать немного, пока уйдет».

Причиной этого внезапного беспокойства Алексея было то, что на деревянной скамейке рядом с пивной он заметил фигуру знакомого по Соликамску стражника.

Стражник равнодушно пощелкивал семечки и, очевидно, совершенно случайно присел отдохнуть в тень от лучей горячего солнца. Если бы стражник не был знакомым, то Алексей спокойно прошел бы в пивную, но сейчас это сделать было совершенно невозможно. Алексей отошел за дощатые ларьки, находившиеся напротив, и стал ожидать.

Прошло минут двадцать. Стражник вылушил весь запас семечек, потянулся, застегнул распахнутый ворот, по – видимому, собираясь уходить. Но в это время из пивной вышел толстый рыжий человек, вероятно, хозяин, и взволнованно шепнул что – то полицейскому. Тот быстро вскочил, бросился к двери, но тотчас же раздумал войти в пивную, очевидно, побоялся, сказал что – то хозяину, и тот, подобострастно кивнув головой, побежал куда – то в сторону. А стражник остановился недалеко от дверей, и Алексею ясно было видно и то, что покраснело и насторожилось стражниково лицо, и то, что теперь он уже внимательно следил за всеми входящими и выходящими из пивной, и то, что правая рука стражника твердо легла на кожаную кобуру большого казенного револьвера.

«Вот тебе и мама! – подумал Алексей. – Что же это такое здесь начинается?»

И вдруг ясное, четкое подозрение мелькнуло у него:

«А не выследила ли полиция того лбовца, с которым он должен был встретиться?»

При этой мысли Алексею сразу стало холодно. Мало того, что он не мог сам пойти и предупредить о надвигающейся опасности человека, не мог даже послать кого – либо из мальчишек с запиской, ибо он и сам не знал в лицо того человека.

В это время дверь распахнулась. Стражник незаметно сжал рукоятку револьвера, но тотчас же опустил руку, ибо оттуда вышел, очевидно, не тот, кого он ожидал. Это был подвыпивший мастеровой, шел он слегка покачиваясь, подпевая и вскоре затерялся в толпе. И почти тотчас же вслед за этим к кабачку под предводительством запыхавшегося рыжего хозяина торопливо подошли еще трое полицейских, и тогда уже вчетвером, открыто вынув револьверы, они быстро ворвались в пивную.

Алексей еще дальше отодвинулся за ларьки и стал смотреть, что будет дальше. На всякий случай он обернулся и совершенно неожиданно для самого себя заметил, что не только он один внимательно наблюдает за дверьми кабачка. И что недалеко от него стоит недавно вышедший из пивной человек и его напряженно – сосредоточенное выражение лица не носит на себе ни следа недавнего хмеля.

Опять распахнулась дверь. На этот раз оттуда вышли двое полицейских: один тащил в руках старый подрясник и рваную котомку, а другой держал за шиворот какого – то, по – видимому, сильно выпившего человека, ибо человек почти не стоял на ногах, отчаянно икал и орал во все горло басом:

– Господи, отвержи ми двери покаяния... Но стражнику, по – видимому, мало понравилось это пение, потому что он пнул псалмопевца коленом пониже спины и, тряхнув его за шиворот, крикнул сердито: – Ну ты, египетский черт, заткни свою глотку, туда тоже – прорицатель! Какой ты прорицатель, когда не видишь, что вокруг тебя делается?

Алексей обернулся и увидел, что мастеровой быстрыми шагами, почти бегом, удаляется в сторону.

«Погоди-ка! – подумал вдруг Алексей, бросаясь вслед за ним. – Погоди-ка, друг, да не ты ли это был мне нужен?»

На углу Красноуфимской Алексей догнал незнакомца. Но, выжидая момент, когда тот очутится на какой – либо менее людной улице, пошел за ним следом шагах в двадцати позади. У одной из витрин Алексей остановился, заметив, что незнакомец искоса обернулся несколько раз.

Незнакомец круто повернул за угол и быстро пошел дальше. Потом еще раз завернул, и, наконец, они очутились на глухой, пустынной улице.

«Сейчас подойду! – решил Алексей и завернул вслед за угол, но на улице уже никого не было. – Что за дьявол?» – подумал он, осматриваясь.

Сделал Алексей еще несколько шагов вперед, как вдруг с боку из ниши каменных ворот кто – то негромко, но твердо крикнул:

– Стой!

И Алексей увидел наведенное на себя дуло черного браунинга и незнакомца.

– Ты чего за мной следишь? Шпионишь, провокатор? – голосом, не предвещавшим ничего хорошего, спросил Алексея незнакомец.

«Конечно, он!» – мелькнула мысль у Давыдова и, улыбнувшись, он ответил:

– Нет, зачем следить. Я только хотел спросить, не нужны ли вам малярные рабочие?

Человек внимательно окинул взглядом Давыдова, медленно опустил браунинг в карман и еще не совсем доверчиво сказал:

– На малярные работы нанимаются раньше.

– Раньше? – присвистнул Давыдов. – Скажи, милый человек, спасибо, что хоть поздно пришел, а то вовсе в безработные попал бы!

И он коротко рассказал незнакомцу, как было дело.

– Вот оно что! – ответил тот. – А у меня тоже вышло дело. Был я под гримом, да хозяин заметил. Гляжу, возле дверей полицейский похаживает. Пошел в уборную, сбросил одежду, да за мной какой – то дурак увязался, так я ему пригрозил пистолетом, заткнул рот и ушел.

В ту же ночь новый товарищ Давыдова, по кличке Студент, удачно минуя конные разъезды, охранявшие Соликамский тракт, провел его в лес к месту стоянки боевой дружины Лбова.

И в ту же ночь встретился Алексей с легендарным «разбойником», грозой уральской жандармерии – самим Александром Лбовым.

– Ну, говори, рассказывай, как у вас там? – коротко спросил Лбов, усаживаясь у костра и внимательно изучая черты лица Давыдова.

Лбов перебивал его иногда, задавая короткие и прямые вопросы:

– Ребята надежные есть? Бомбы делать умеете? Жандармов много? Солдаты стоят? Управляющий кто?

Давыдов отвечал ему также коротко и четко:

– Ребята есть. Бомбы сделаем. Жандармов мало. Управляющий – собака.

– Ну, – проговорил Лбов через некоторое время, оканчивая разговор. – Ну, ближе к делу. Чего же ты хочешь?

– Оружия и денег для начала. Я хочу собрать там вторую боевую дружину.

– Нет, – ответил Лбов после долгого раздумья, – нет, не надо пока другой дружины. Ты лучше подбери небольшую отчаянную надежную кучку, чтобы в нее не пробрался ни] один провокатор, и с нею начинай дело. Так надежней будет. У меня вон народу много, уж, кажется, вот как смотрю за всеми, а все – таки знаю, что есть провокаторы, того и гляди, что провалишь с ними все дело. У тебя, я слышал, брат есть?

– Есть, старший. В тюрьме сидит.

– За что?..

– За пропаганду.

– Пропагандист, значит? Массы просвещает! Знаю, слышал я про него, – с едва уловимой насмешкой сказал Лбов. – Ну, что ж и то дело хорошее.

В это время к Лбову быстро подбежал кто – то и сказал несколько слов.

Лбов вскочил, схватил винтовку, набил полные карманы патронами и, захватив с собой человек десять, направился с ними в лесную чащу. На опушке он остановился и окликнул Давыдова. Когда тот подошел к нему, то Лбов молча снял карабинку с плеч одного из дружинников.

– Возьми, – сказал он, протягивая ее Алексею, – и пойдём с нами. Дай – ка мы посмотрим тебя в деле.

– Смотри, – ответил Давыдов и, заложив полную обойму в магазинную коробку, щелкнул затвором и перекинул карабинку через плечо.

## **Унтер – офицер Штейников раздумывает отправляться в арестантские роты**

В Соликамской тюрьме за сравнительно короткий период Штейников успел трижды попасть в карцер, дважды быть высеченным и неоднократно быть битым по зубам.

Всему этому способствовало то, что Штейников обладал странным и неуживчивым характером. Нельзя сказать, чтобы он грубиянил администрации. Наоборот, он подчеркнуто четко, по-солдатски отвечал на каждый вопрос, а на поверке никто так громко, как он, не орал в ответ на приветствие:

– Здравия желаю, ваше благородие!

Но, несмотря на все это, а может быть, именно поэтому, начальство ему не доверяло и всегда ожидало от него какой-нибудь выходки.

Так, например, встретившись в коридоре с помощником начальника тюрьмы, он встал, вытянувшись во фрунт, и совершенно неожиданно спросил почтительно:

– Разрешите поинтересоваться, ваше высокородие, что у вас слышно, скоро ли революция будет?

А в другой раз в тюремной больнице, когда доктор приказал больному, едва стоящему на ногах арестанту, отправиться обратно и не велел тому больше показываться в больницу, то Штейников успокоительно гаркнул доктору:

– Будьте благонадежны, ваше благородие! Он не покажется. Куда ему показываться, когда он не сегодня – завтра с вашего разрешения подохнуть должен.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.